

Алигерд Бахаревич

У КРИКЕТА ДРУГИЕ ПРАВИЛА,
ИЛИ МОЙ ДОМАШНИЙ УЧИТЕЛЬ
ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

В старой России каждый обеспеченный «патер фамилиас» считал обязанностью приглашать для своих детей домашних учителей из-за границы. Разумеется, не только для изучения иностранных языков — а затем, чтобы привить ребенку основы европейской культуры, преимущество которой подданные той империи ощущали остро и — пусть со вздохом — но признавали.

Воспитание патриотизма возлагалось на плечи добродушного парá, бородатого батюшки и вечных березок. Но что такое «березки» в сравнении с романтическим студиозусом из Парижа, Лондона или Берлина? Который живет под боком и даже обедает за одним столом? Именно он, заграничный учитель с его книжками, формировал у маленьких подданных империи первые представления о взрослой жизни. О человеческих ценностях и правилах пристойности. Именно он демонстрировал отпрыскам аристократов, детям помещиков и капиталистов европейскую модель мира. Давал первые уроки того, каким должен быть современный европейский человек.

Каждый раз, когда я читал про домашних учителей конца XIX — начала XX века, меня всегда охватывала зависть к их воспитанникам. Пока я не понял, что и мы, советские дети, имели у себя в соседней комнате таких же «французов». Одного из них, например, звали Герберт Уэллс.

Дело в том, что мне давно стало понятно, что мистер Уэллс повлиял на мое воспитание куда больше всех моих учительниц. Как и мистер Дойл, мистер Стивенсон, мистер Скотт, месье Дюма и Верн. Герберт Уэллс был, однако, самым строгим из этих педагогов. Пом-

нишь его? А ведь он до сих пор живет — в русском переводе, как учитель-иностранец во флигеле помещичьего дома!

Недавно я встретил его в библиотеке; он не узнал меня.

— *Это гипноз... Вы, должно быть, внушили мне, что вы невидимы.*

— *Чушь!* — сказал *Голос*.

— *Только сегодня я привел неоспоримые доказательства, что невидимость...*

— *Плюньте на все доказательства, — прервал его Голос*¹.

И вот я осмелился и пригласил мистера Уэллса в гости.

Он не отказался.

Иногда бывает очень грустно наблюдать, как писатели, которые когда-то считались весьма серьезными, с течением времени попадают в разряд «литературы для среднего и старшего школьного возраста». словно они некстати впали в детство, и потомки отправили их доживать век в дом престарелых. Так, мистер Уэллс с его «Человеком-невидимкой», «Машиной времени», «Островом доктора Моро» и «Войной миров» был когда-то нашим фаворитом. При этом очевидно, что ни детским, ни подростковым писателем назвать его нельзя. Он не заигрывал с нами, он делал свое дело, не опускаясь до нашего беззаботного, полного простых линий мира — нет, он требовал от каждого подняться на его высоту. Фактически, единственная уступка, которую он сделал, была в том, что мистер Уэллс не лишил нас права на приключения, на лихорадочный пульс, на вспотевшие от переживания ладони. Лабиринты придуманных им приключений никогда не повторялись, и мы охотно бежали вслед за мистером Уэллсом повсюду, куда бы он ни пошел.

Главные герои его книг по обыкновению абсолютно не подготовлены к ими же инициированным авантюрам — мы были такими же. Вспомним Путешественника по Времени, который отправляется в

¹Цитаты из произведений Г. Уэллса приводятся в русских переводах К. Морозовой («Остров доктора Моро»), М. Зенкевича («Война миров»), Д. Вейса («Машина времени»). — *Прим. пер.*

свое ужасное приключение, не прихватив не то что револьвера, но даже фотоаппарата. Или Человека-невидимку, который сначала становится невидимым, а уже потом думает, что ему делать. Вообще герои мистера Уэллса часто действуют, подчиняясь мгновенному импульсу. Они соревнуются с последствиями собственных не обдуманных поступков. Они нетерпеливы, как несведущие читатели: а несведущие читатели любят узнавать себя на страницах книжек.

Может, в этом один из секретов мистера Уэллса; один из его уроков — там, где есть верный план, где все выверено, никогда не будет яркого сюжета. А нам так хотелось оказаться в хорошем сюжете! так хотелось динамики и головокружения, так хотелось увидеть в парке Горького американские горки!

С вами никогда не произойдет ничего интересного, если вы будете продумывать все наперед, предупреждал мистер Уэллс. У вас попросту не будет собственного сюжета. И это было что-то вроде заповеди на всю оставшуюся жизнь. Часть его философии, которую придумали мы сами. А дальше — дальше мы не слушали.

Он ставил перед нами совсем не подростковые вопросы: кто мы и зачем мы, например. Он безжалостно вводил понятие «чужого» — в его онтологическом смысле. Он первым, задолго до доцентов, рассказал нам про материю и дух. Он наполнил для нас неожиданным содержанием обычное, простое слово «время», которое тогда было дребезжащим (ибо — школьный звонок) «вр-р-р-р-е-е-менем». Мистер Уэллс дал нам благородное знание того, что талантливому человеку предначертана несчастливая судьба. Он убедил нас, что стоит бросить вызов большинству, чтобы погибнуть от его рук: во имя творчества, чего же еще, ибо все тот же мистер Уэллс создал вокруг творческого человека такой ореол, который не поблек и до сих пор — что бы там ни говорили родители про неудачников и ленивцев. Ибо талант и творчество оправдывают все. Разве не про писателя, про музыканта, про художника это заклятие, из «Острова доктора Моро»:

Ему принадлежит Дом страдания.

Его рука творит.

Его рука поражает.

Его рука исцеляет.

Нужно сказать, что писателей мистер Уэллс не шибко любил — для людей его эпохи творческим человеком был прежде всего ученый. Благодаря мистеру Уэллсу многие из нас повернулись лицом к физике, биологии, психологии, математике — в стремлении сделать Великое Открытие и погибнуть под его обломками. Но и не кто другой, как мастер Уэллс, показал нам, что такое следующий уровень Чтения: как сделана серьезная проза, из чего, и какое топливо заставляет ее работать. Он научил нас с горделивой усмешкой смотреть на книги, где главного героя нечем упрекнуть: овсянка, сэр! А еще наш английский наставник дал нам первый урок стиля — и от чтения тех строк до сих пор становится почти физически приятно:

«На ногах у него не было ничего, кроме рваных носков; вылезшие из дыр большие пальцы ног, широкие и приподнятые, напоминали уши насторожившейся собаки. Неторопливо — он все делал не торопясь — Томас Марвел рассматривал башмаки, которые собирался примерить. Это были очень крепкие башмаки, какие ему давно уже не попадались, но они оказались ему слишком велики; между тем старые башмаки его, вполне подходящие для сухой погоды, не годились для сырой, так как у них была слишком тонкая подошва. Мистер Марвел терпеть не мог свободной обуви, но он не выносил и сырости. Собственно говоря, он еще не установил, что ему неприятнее — просторная обувь или сырость, — но день был погожий, других дел не предвиделось, и он решил поразмыслить. Поэтому он поставил на землю все четыре башмака, расположив их в виде живописной группы, и стал смотреть на них. Глядя, как они стоят среди буйно разросшегося репейника, он вдруг решил, что обе пары очень безобразны».

Это про Томаса Марвела, которого Человек-невидимка хотел сделать своим слугой. Попробуйте, прочитав этот пассаж, сказать, что Герберт Уэллс — детский писатель, для которого главное — сплести немудреный сюжет на потеху юным романтикам. Совсем не каждый автор из Пантеона Великих Писателей может похвалиться таким вниманием, наблюдательностью, чуткостью и тонким, припрятанным юмором. Уже тогда мы чувствовали это, но не ценили. Не могли оценить; тем не менее, мы, хоть нам и не терпелось переско-

чить через такие абзацы, знали, что настоящая литература должна их иметь. Истории без таких «описаний» казались нам сказками для малышей, не стоящими нашего внимания. Мы же были лучшим, что смогла выкормить из своих детей советская система: мы имели уважение к знаниям, склонность к справедливости, уважали талант, стремились сочувствовать и защищать. Любовь к произведениям мистера Уэллса была знаком приобщенности к большим, взрослым текстам, благодаря ей — разумеется, не в одночасье — мы распрощались с теми мерками, которыми мерили литературу раньше. Наш наставник-англичанин одобрял шишки и синяки, неизбежные при знакомстве с его книгами, но он же отвечал за нас — и поэтому настоящих, тяжелых травм мы, читая мистера Уэллса, получить не могли: мы получим их позже, когда забудем о Человеке-невидимке, о докторе Моро и о Путешественнике по Времени и найдем себе других, куда более циничных и способных на любую жестокость героев, которые скажут нам непристойную правду про спасенный от марсиан мир.

Как-то мы спросили: «Кем был ваш отец, мистер Уэллс?» — «Он играл в крикет, — ответил учитель довольно неохотно. — Да, он был профессиональным крикетистом». Мы сразу же все перепутали, крикет с крокетом, Линекера и Хонеккера; мы полезли в родительские энциклопедии и постарались узнать про крокет как можно больше — почему-то мы были уверены, что мистер Уэллс должен классно играть в эту свою загадочную игру, и, когда он выходил из дому и устремлялся к автобусной остановке, кто-то из нас с уважением говорил: «Поехал на крокет», — и все пытались себе вообразить мистера Уэллса с крокетным молоточком в руках и закатанными штанами.

В текстах мистера Уэллса мы видели то, что хотели видеть; как и все юные существа, мы не дослушивали нашего учителя до конца. Я уже вспоминал тут про заповедь относительно сюжета: мол, никогда не продумывайте своих поступков, иначе будет неинтересно... На этом мы затыкали уши, нам целиком хватало таких указаний. Нам не было дела до его фабианства, между тем наш наставник продолжал говорить, и нам скучно было смотреть на его губы, шевелящие-

ся под густыми усами: мы боялись разочароваться. И только теперь мы понимаем смысл того, что он тогда говорил, словно звук дошел до нас с задержкой: «Необдуманность, желание получить, высветить и расслышать все сразу несет в себе большую опасность для вас и для других! Не торопитесь! Все должно идти исподволь и меняться как можно медленнее! Нельзя садиться на велосипед с двумя колесами, пока не научишься ездить сначала на трехколесном!» Мы не слушали его; он шел играть в свой крокет, мы — в пионербол.

Он развращал нас, давая нам демоническое зрение и дьявольскую свободу перемещения: благодаря мистеру Уэллсу мы могли увидеть пейзажи южной Англии, прогуливаться по Лондону; места, где начали свой путь марсианско-фашистские оккупанты, мы знали лучше, чем родной город: Уокинг, Санбери, Лезерфорд, Чобхем, Чертси, Уэйбридж, Пирфорд, Сенд... Для этого не нужно было посылать в командировку по советской Прибалтике московских кинематографистов. Он был величайший легализованный антисоветчик, этот мистер Уэллс с его клюшками-молоточками для крокета. Благодаря ему солнце над той, бывшей Британской империей уже никогда не спрячется. God Save the Queen и ее писателей.

Однажды в час занятий он как-то странно взглянул на наши руки, которые никак не могли найти себе места на парте. Взглянул и задумался, остановив на полуслове свое объяснение. Теперь, убивая полдня за компьютером, мы знаем, что это мистер Уэллс был автором занятного футурологического исследования, где прогнозируется отмирание в далеком будущем всех органов человеческого тела, кроме мозга и рук, которые служат ему инструментом.

Мистер Уэллс мало говорил про этику, мы переняли у него эту весьма мудрую настороженность: говоря про этику, очень легко споткнуться и скатиться в морализаторство, в итоге шлепнуться мордой в грязную лужу пошлости. И все же наша теперешняя потрескавшаяся, но на удивление живучая мораль также идет от нашего наставника: это он научил нас, вопреки нашему рабскому происхождению, быть леди и джентльменами, научил нас защищать слабых и не просить за это воздаяния, научил нас реагировать на все сдержанно и избегать трескотни.

«Хороша ж эта вера, если она не может выдержать несчастья. Почему Господь должен был сделать исключение для Уэйбриджа? Бог же не страховой агент».

А главное: мистер Уэллс открыл нам, что достоинство, как чувство в себе, должно быть не доблестью, а инстинктом и проявляться без принуждения, само собой и в каждом случае, когда его затронут — твое это достоинство или чужое, несущественно. И еще: он развил в нас способность всегда видеть дальше собственного носа, каким бы центром мира он, этот нос, ни казался, какую бы последнюю инстанцию из себя ни корчил. Он компенсировал нам отсутствие школьного предмета под названием «логика» и убожество среднеобразовательного «обществоведения», которое преподавалось нам, словно пресловутый Закон звероловям:

Не ходить на четвереньках — это Закон. Разве мы не люди?

Не лкать воду языком — это Закон. Разве мы не люди?

Не обдирать когтями кору с деревьев — это Закон.

Разве мы не люди?

Не охотиться за другими людьми — это Закон. Разве мы не люди?

Посмотрим на себя внимательно. Вот открытие, под обломками которого можно с радостью погибнуть. Большая часть того, что мы в данный момент из себя представляем, есть плод и следствие тех давних уроков мистера Уэллса. Оно начиналось там, в свете странствующих торшеров и величии книжных полок, в портфелях со вспотевшими учебниками и во вкусе мятных конфет за щекой, под которые так хорошо читалось все внепрограммное. Потом все это перемешалось с нашим собственным жизненным опытом, который радостно противоречил всему, всему, чему учил нас подзабытый мистер Уэллс. И в итоге получились мы, теперешние, сбитые с пути. Что бы там ни говорил постаревший рарá, про что бы ни гундосил поп, как бы ни шумели березки.

Мистер Уэллс досадует на нашу растерянность и идет играть в свой крокет. Или в крикет? Никто и подумать не мог, что, выйдя в тот вечер из нашего дома, учитель больше уже не вернется. Я не

помню, я уже ничего не помню, моя голова болит, я пью и курю, я бедный, как церковная крыса, мне тридцать четыре, и город, где я живу, страшно мне надоел. Но я вижу, я прекрасно вижу: великий империалист мистер Уэллс размахивается клюшкой и бьет по крокетному шару. И тот катится, бесконечно долго, через покоренные им ворота, словно путешественник по времени сквозь десятилетия, и настигает нас, и все империи разлетаются на куски.

И нам все равно, что у крикета другие правила.

Перевод с белорусского Светланы БУНИНОЙ